

Обычные люди начинают шаг случайно, в зависимости от того, какая нога в данный момент является опорной. Чтобы сэкономить силы, обычно сначала шагают другой ногой. Но Ху Гуанжань был другим. Когда он впервые подошел к Тан Сю, его стартовая поза явно указывала на правую ногу как опорную, но он внезапно перенес вес на левую ногу и шагнул правой. Тан Сю попросил его повторить, и во второй раз, когда он начал с левой ноги, он снова перенес вес на правую, прежде чем шагнуть.

Этот человек не был одержим тем, чтобы начинать с определенной ноги, но привык перед первым шагом на мгновение менять опорную ногу. Это было довольно заметное движение, которое легко можно было уловить на камеру, но он делал это быстро и естественно, и даже Цзян Цяо не обратил на это внимания.

Ассистент Тан Сю махнул ему рукой, приглашая на обед, и Тан Сю, ответив, последовал за остальными.

Такая манера ходьбы внезапно напомнила ему одного человека.

Лу Канцзина.

Вчера, во время съемок первого дубля, Тан Сю, стоя на возвышении, почувствовал, что Ху Гуанжань чем-то неуловимо напоминает Лу Канцзина. Вспоминая сегодняшнюю походку, он понял, что сходство было не только в этом жесте, но и в других мелких движениях, в манере говорить. Ху Гуанжань, судя по акценту, был южанином, но, как и Лу Канцзин, добавлял в конце фразы «эрхуа». Если бы его лицо было скрыто, и он говорил бы издали, его голос и походка были бы точь-в-точь как у Лу Канцзина.

Ли Цыпин говорил, что Ху Гуанжань давно в индустрии, скандалы вокруг него не утихают, но у него никогда не было пары.

Возможно, в его сердце скрывались другие чувства.

Тан Сю прояснил свои мысли и, ускорив шаг, догнал остальных. Когда он вошел в столовую, работники только начали раскладывать еду из пакетов. Ху Гуанжань, не говоря ни слова, молча открыл коробку с рисом и первым делом пододвинул ее к Цзян Цяо. Тот взглянул на него и, без эмоций в голосе, сказал:

— Садись, ешь.

Ху Гуанжань поспешно кивнул и, словно поджав хвост, сел рядом с режиссером.

Цзян Цяо, обернувшись, заметил Тан Сю:

— Эй, иди сюда.

Место рядом с ним обычно никто не решался занять, но на этот раз все было иначе. Каждый раз во время еды он звал Тан Сю, и тот, не задумываясь, садился рядом.

— Сегодня ты был в хорошей форме, завтра будут сцены с эмоциями, конфликты усилятся, так что вечером еще раз просмотрим сценарий.

Тан Сю кивнул и открыл бутылку воды:

— Хорошо.

— Что будешь есть?

— Что-нибудь возьму.

Чжан Кайсин, сидя рядом, усмехнулся:

— Режиссер, я наблюдаю уже несколько дней. Вы что, задолжали Тан Сю? Почему так хорошо к нему относитесь? Теперь мне страшно говорить, что я вас знаю.

Цзян Цяо посмотрел на него с невозмутимым лицом:

— Все познается в сравнении. Когда есть нерадивые актеры, те, кто справляются, кажутся особенно милыми.

Чжан Кайсин потер нос, а Ху Гуанжань опустил голову еще ниже.

Тан Сю внутренне усмехнулся. Этот парень был настоящим наглецом, используя других как прикрытия для своей предвзятости. Жалко Ху Гуанжана, который дрожал за обедом, не подозревая, что все это было чистой воды выдумкой.

Во время ужина все были более расслаблены, а Чжан Кайсин, как старый знакомый, не боялся Цзян Цяо и начал непринужденный разговор. Тан Сю, обычно молчавший за столом, сегодня неожиданно присоединился к беседе. Разговор зашел о его актерском таланте, и Чэнь Бин с сожалением заметил:

— Молодежь идет вперед, смотришь на этих ребят, даже без актерского образования, а уже обходят стариков.

Цзян Цяо сказал:

— Сейчас все больше людей без актерского образования приходят в индустрию, молодежь мыслит гибко.

Чжан Кайсин толкнул локтем Ху Гуанжана:

— Эй, Ху Гуанжань, ты ведь тоже не из актерских, правда?

Тан Сю на мгновение замер, увидев, как Ху Гуанжань молча кивнул, и улыбнулся:

— Отлично, значит, мы с тобой в одной лодке. А ты в университете что изучал?

— Информатику.

Ху Гуанжань даже не поднял головы.

Тан Сю кивнул, а Цзян Цяо бросил на него взгляд, и он слегка улыбнулся.

...

Ближе к одиннадцати вечера, «серьезный» режиссер снова тайком пробрался в комнату напротив, чтобы побеспокоить актера.

Тан Сю сидел за столом, что-то рисуя на листе бумаги. Цзян Цяо, стоя за его спиной, увидел, как тот провел стрелку от имени Ху Гуанжана к Сун Мянью и поставил крест под именем Лу

Канцзина.

Цзян Цяо не сдержал смешка:

— Тебе стоило стать сценаристом, у тебя первый в шоу-бизнесе мозг.

Тан Сю усмехнулся:

— А у вас меньше? Весь день гадали, что я за зверь?

Цзян Цяо покачал головой:

— Нет, больше не буду. Пусть будет, что будет.

— Правда?

Тан Сю отложил ручку и повернулся:

— Не хочешь узнать?

— Не хочу.

Цзян Цяо оглянулся на Стяг сбора душ, который снова превратился в обычное старое знамя. Но, увидев его в действии, Цзян Цяо больше не мог считать его безобидным.

Он вздохнул:

— В любом случае, судя по твоему стремлению наказывать зло и поощрять добро, ты точно не какой-нибудь разрушительный демон. Пока ты не убьешь меня, я буду тебя любить, кто бы ты ни был.

Тан Сю на мгновение замер.

Цзян Цяо уже давно проявлял к нему знаки внимания, но впервые прямо сказал о своих чувствах, и это произошло сразу после того, как он узнал, что Тан Сю, возможно, не обычный человек. Ни страха, ни беспокойства.

Этот человек был на удивление чист душой.

Через некоторое время, закончив записывать свои мысли, Тан Сю спокойно сказал:

— Я не демон и не имею связи с духами. Я просто практикующий.

— Практикующий?

Цзян Цяо застыл, глядя, как Тан Сю закрывает колпачок ручки и отступает на шаг.

— Подожди! Ты сейчас собираешься рассказать мне свою истинную сущность?

Тан Сю кивнул и подошел к кровати, чтобы разложить постель:

— А что, не хочешь слушать?

Цзян Цяо ответил:

— Не то чтобы, просто я еще не готов.

— К чему готовиться? — Тан Сю усмехнулся. — Тебе стоит быть благодарным. За последние десять тысяч лет только ты, смертный, удостоился чести узнать мою истинную сущность.

Цзян Цяо весь затрясся:

— Десять тысяч лет?

Тан Сю спокойно взглянул на него:

— Да. Десять тысяч.

— Что, хочешь поклониться Старому Предку?

В комнате воцарилась тишина.

Тишина, пока Тан Сю разравнивал одеяло, убирал подушки и, обернувшись, увидел, что Цзян Цяо все еще стоит как вкопанный.

Он с раздражением спросил:

— Это действительно так удивительно?

Цзян Цяо, не уважая старших, ответил:

— А ты как думаешь?

Он показал рукой:

— Мне почти тридцать, и я всегда чувствовал себя старше тебя, а теперь ты говоришь, что тебе десять тысяч лет...

...И как мне теперь жить с этим.

Цзян Цяо проглотил свои мысли, чувствуя легкий озноб.

Что такое десять тысяч лет? Какая практика может длиться так долго? Десять тысяч лет назад вообще были люди?

Он хотел думать, что Тан Сю просто шутит, но интуиция подсказывала, что этот человек не стал бы его обманывать. И он не осмеливался задавать вопросы, ведь десяти тысячелетний практикующий мог быть вспыльчивым, и Цзян Цяо не хотел его злить.

Цзян Цяо перебрал в голове несколько мыслей, подавил свои смешные человеческие представления и сглотнул.

— И как мне теперь тебя называть?

Тан Сю усмехнулся:

— Просто Тан Сю. Или, если хочешь, можешь, как мои потомки, называть меня Старым Предком.

Цзян Цяо: «...»

— Сборщики душ — это духи, рожденные природой, у них нет родственников и кровных связей. Сейчас старшее поколение постепенно уходит в сон, а духовная энергия в мире становится слабее, и новые Сборщики душ рождаются редко. Я, вероятно, самый старший из ныне живущих, — Тан Сю спокойно посмотрел на него. — Так что называть меня Старым Предком — не такая уж плохая идея.

Цзян Цяо: «...»

— Логично, я выбираю Тан Сю.

Тан Сю усмехнулся:

— Хорошо.

Цзян Цяо пробыл недолго и ушел, сознавая, что шок от десятитысячелетнего Старого Предка нужно переваривать постепенно. Но, судя по его спокойному выражению лица, Тан Сю был вполне доволен.

Режиссер действительно обладал широтой взглядов, превосходящей невежественных женщин феодального общества.

Но Тан Сю еще не успел заснуть, как Цзян Цяо снова позвонил.

В комнате уже выключили свет, и Тан Сю, взяв трубку, лениво произнес:

— Алло.

[Пусто]

<http://bllate.org/book/16171/1449871>